Я родом из прошлого века! А люди из прошлого – само прошлое. На склоне лет бывает дороже настоящего!!!

Сейчас сожалею, что не интересовалась прошлым родителей своих родителей, упущено время, спросить уже не кого.

Мои родители, простые крестьяне-переселенцы из Вятской губернии в 18 веке в поисках земель и лучшей доли ехали на освоение таёжной Сибири в Омскую область, Седельниковский район. Земли много, вековая тайга, необъятные просторы прельщали переселенцев. Жили в землянках большими семьями, валили вековые деревья, строили жильё, корчевали и распахивали земли. Появлялись хутора, деревни переселенцев в таёжном крае. У меня и сейчас на слуху названия некоторых деревень, которые я слышала в детстве из уст родителей или от гостей, дальних или близких родственников, которые бывали у нас по каким-либо причинам, посещая Тару. Деревни Голубовка, Андреевка, Болгун, Кукарка, Филатовка и другие, многих уже давно нет, как «неперспективные» в своё время исчезли с лица земли.

Мои родители и многие родственники, перебравшись в Сибирь, осели в с. Кейзесс, Седельниково и в ближайших к ним деревнях, основанных переселенцами в прошлом.

В семье было пятеро детей.

Отец – Плехов Алексей Павлович и мать Плехова (Банникова) Пелагея Никоноровна – простые крестьяне: мать неграмотная, мудрая, душевная, уважаемая женщина, вынесшая на своих плечах все тяготы смутного времени прошлого – тяготы войн – Первой мировой, Великой Отечественной, финской, гражданской, колчаковщины.

Отец имел два класса церковно-приходской школы. Детям прививали доброту, трудолюбие, честность, порядочность, уважение к старшим.

Дети подрастали. Надо ставить их на ноги, учить. Решили переехать в Тару, два маминых брата с семьями уже жили в Таре. И вот, в 1923 году надумали. Но купить жильё для такой семьи с нашим достатком не смогли и вернулись в Кейзесс, где мы жили.

А после моего рождения (1931 год, 8 сентября), сделали ещё одну попытку переехать в Тару.

Купили дом в центре города, в его подгорной части на улице Промышленной, 23 (ныне – ул. Матросова, 23). Улица короткая, вдоль реки Аркарки. По правой стороне от спуска с базарной площади (где сейчас построен Дом культуры со сторожевыми башнями), было 16 домов, огороды в гору (обрабатывать их было нелегко). Вдоль домов деревянные тротуары. 5-6 домов выглядели прилично. В одном из этих домов жил мастер выделки кож, работал на кожзаводе. Ещё в одном – варили сушки и развозили для продажи по деревням. Может, поэтому улица называлась Промышленная. Но промышленности на этой улице не было никакой.

Прилично выглядела и наша усадьба в конце улицы. Наверное, самый большой по площади огород, во дворе мостовая, флигель, добротные надворные постройки. Но не были мы зажиточными или мастеровыми, а просто голытьба. За нами было еще два дома и подъем на гору – этим заканчивалась улица. Противоположная сторона улицы была ещё короче, огороды упирались к реке.

Местность была немного к реке понижена, а в половодье затапливалась. Напротив нашего дома домов на противоположной стороне улицы не было. Место было благодатное – кругом полянка, река без зарослей крапивы и лопуха. Отличное место для выпаса всякой живности, а она была в каждом доме, и для отдыха ребятни. Никто нас не развлекал. Сами придумывали занятия для себя – купались, загорали, гоняли мяч, мальчишки играли в «бабки», девчонки – в «классики» и другие игры, не забывая об обязанностях по дому и хозяйству.

Зимой катание на санках с горы (где повыше), осенью на коньках на замёрзшей реке. Зимой на заречных заснеженных просторах – на лыжах.

Перед войной из колхозов от «счастливой» жизни стали перебираться в город, и наша улица быстро приросла новостройками. Центр города, река, благоприятные условия для содержания всякой живности привлекали. Но эта местность в половодье весной затапливалась. И эта часть улицы, недавно застроенная, часто страдала от затопления, страдали не только огороды, оставляя жильцов без урожая, но и сами дома.

Особенно сильное на моей памяти было наводнение весной 1941 года. Дома просто стояли в воде до верхних рам почти всё лето, зато в реке было полно рыбы, которой мы наелись, наверное, на всю жизнь.

…Дни мелькали, годы пролетали
В городке у родимой реки.
Эту улочку городка
На заснеженном берегу
Близко к сердцу я берегу!!!
Здесь детство спряталось моё
За каждой старенькой калиткой…

Здесь жили люди добрые, отзывчивые. Не было вражды соседей, зависти. Все знали про всех и всё!

…Большая обмелевшая речка,
Ручейком став, из детства бежит…
Люблю я древний город Тару,
Зелёных улиц тишину,
Подъём наезженный к базару,
Лабазов, лавок старину.
…Глаза прикрою – вижу дом
И покачавшуюся баню у плетня
Туман над утреней рекой
И нас, мальчишек и девчонок, в том тумане!..

Окунувшись в воспоминания прожитого детства, юности, годы учёбы в школе и институте – все этапы жизни выпали нашему поколению на трудные довоенные, военные и послевоенные годы, в памяти невольно вспоминаются все «прелести» тех лет.

Голодное босоногое детство и юность, голодные года – все сумели выдержать, пережить, веря в светлое будущее, оно было так далеко и не видно его. Но жили надеждой.

В труде, любви и вере
На собственном примере
Воспитывались мы!!!

Не помню, какие это были годы, я была ещё маленькая, не училась в школе. Магазины изобиловали товарами и продовольствием. Все магазины были на базарной площади, близко от моего дома, – это были магазины бывших купцов. Но мы мало что покупали на нищенскую зарплату конюха. Чай заваривали из корочки тыквы. Конфеты «подушечки», сахар редко. Но по какой-то причине, нам непонятной, быстро всё исчезло, магазины опустели. На центральной улице Свердлова был ешё магазин «дежурка», богатый, но и он опустел. А магазин № 7 был царством кукол и других детских игрушек. На витрине за прилавком стояла кукла с закрывающимися глазами. Я часто бегала в этот магазин (благо он был близко от моего дома), чтобы посмотреть на эту куклу и мечтала, чтобы мне её купили. Правда, купили мне куклу с закрывающимися глазами, но небольшую, и я была рада, берегла её долго. А играли с подружками куклами кустарного производства и со всякими стекляшками.

Перед войной за хлебом стояли ночами, чтобы сохранить очередность, занимали очередь с вечера, часто её пересчитывали, караулили всю ночь, чтобы её не потерять. Семья была большая, очередь караулили старшие, а меня (мне было, наверное, лет семь), мама рано разбудит, тепло оденет, проводит за ворота, я поднимусь на гору, там меня встретят. Когда магазин откроют, очередь выстроится, и через одни двери по несколько человек впустят. Порядок наводили сами очередники, через другие двери выходили, чтобы не было толпы. Хлеб не взвешивали, а давали одну булку в руки, поэтому очередь двигалась быстро.

Меня прикроют полой полушубка или тулупа и протолкнут в магазин. Булка кирпичиком, большая, ароматная, белая, так и съел бы её разом, но несёшь её, как драгоценность. Магазин этот был рядом с аптекой, где на втором этаже в своё время была контора ГОРПО, он так и остался магазином, в разное время в нём торговали различными товарами. А вечером опять на дежурство, на всю ночь.

Ну, а в годы войны хлеб давали по карточкам – 200 иждивенцам, 400 работающим. Отоваривали в магазине № 3. Первый из купеческих магазинов на базарной площади. В других районах города были другие точки торговли – «дежурка», магазин № 10 и другие.

А в этом здании, где слева два окна, были входные двери и располагался магазин, обслуживающий по аттестатам офицерские семьи и чиновников местной власти, не только хлебом, но и другими продуктами, называли его «Закрытый». После войны там долгое время была сберкасса на верхнем этаже, потом Клуб афганских ветеранов, где был магазин – фильмотека (угол Дзержинской улицы).

Подкрадывалось смутное, страшное время – Война!

В 1938 году, выйдя замуж, сестра старшая Мария с мужем уехала в Ростов-на-Дону. Там умерла при родах. Где похоронена, не знаем. Поехать на похороны было некому и не на что. В 1939 году ушёл в армию старший брат Павел (тогда служили в армии три года), осенью 1941 года должен был вернуться домой. Но началась война, и его мы больше не видели. В 1943 году в июне погиб на Курской дуге.

В 1940 году я пошла учиться в первый класс в начальную школу №5, она была близко от дома, что было для меня очень хорошо. На улице Луначарского, сейчас это улица Спасская. Здание снесено.

Директором школы была Павилова Александра Павловна, статная, с твёрдым характером. В школе была дисциплина. А первой учительницей была Степанова Таисия Яковлевна, добрая, любимая всеми учениками, но после второго класса уехала. А в 3-4 классе учительницей была Соловьёва Вера Семёновна, её мы тоже любили.

В четвертом классе сдавали первый экзамен.

Началось тяжёлое военное лихолетие. На большой перемене учительница в большой чашке приносила булочки. Горячего питания не было, не было ни буфетов, ни столовых. Даже булочки потом стали делить пополам, разрезанные.

Вместо портфелей холщовая сумка, к ручкам которой привязан мешочек с чернильницей или просто бутылёк с чернилами. У кого что было.

Тетради выдавали только для работы на уроке. Домашние задания выполняли на газетных листах или печатных страницах старых книг между строк.

В 1944 году, после окончания начальной школы, в пятом классе часть учеников пошла в среднюю школу №2, позднее она стала школой №11, где мы окончили 10 классов (эту школу окончили в своё время и две моих дочери). Часть ребят пошла в школу №1 (позднее – школа №10, затем гимназия).

С пятого по десятый класс экзамены сдавали каждый год (но нас не подвергали унизительной «экзекуции», как сейчас, пропуская сквозь «строй» в присутствии полиции, обыскивая с помощью металлоискателя, проверяя карманы, унижая детей недоверием. Стыдно смотреть.

Подобной процедурой унижают учителей, труд которых нелёгок. Жаль, что не сохранились здания наших школ.

Булочками нас уже не подкармливали, только в маленькой комнатке, около лестницы на второй этаж, в «кубовой», кипятили воду для питья, а бачок с кружкой стоял в коридоре.

Школа занималась в две смены. Занятия второй смены зимой и осенью приходились на тёмное время суток. Освещение было керосиновыми лампами – 7-10-линейные, со стеклом. С наступлением сумерек техничка развешивала их в классах на стене. После уроков собирала их, заправляла керосином, чистила стёкла.

А ученики, на парту каждый себе, приносили своё освещение, чтобы можно было писать, читать.

Мне брат (он был чуть старше меня) сделал миниатюрную лампу – «фитилёк». В стеклянную бутылочку наливался керосин, вставлялся фитиль, к бутылочке крепился стоячок, в который вставлялась пробирка с отрезанным дном, она не коптила, но светила. Ну а сколько от неё было света? Такой же лампой пользовались и дома, готовя уроки, или чтобы что-то почитать. На весь дом зажигалась керосиновая лампа «7-линейная» со стеклом, у кого была «10-линейная» – это уже роскошь. Лампы и стёкла берегли, так как достать их было трудно.

Когда заканчивались уроки, дежурные должны были помочь техничке наносить дров к печке, отопление было печное. Сторож или техничка всю ночь следили за топкой печей. Но тепло быстро улетучивалось, в классах было холодно. Сидели в одежде. Когда не хватало дров, использовали торф.

На окраине города, где сейчас новая средняя школа №2, было торфяное болото.

Организация «Гортоп» в городе ведала топливными ресурсами. На торфяном болоте летом резали торф для сушки, складывали кирпичики из него в стопки с определённым количеством. Зимой продавали горожанам и предприятиям.

Колхозники близлежащих колхозов осенью, закончив уборку, ехали на лошадях на заготовку дров. Колхозам давался план на заготовку.

Городские власти через «Гортоп» распределяли топливо – торф и дрова – организациям и жителям города по определённой цене.

Коллектив учителей менялся, пополнялся. Но учителя остались доброй памятью. Директором школы был Рокколаин Рудольф Иванович, его жена – Раиса Ильинична (географ), они были эвакуированы в Тару, после войны уехали.

В 9-м классе коллектив учителей пополнился молодыми учителями, выпускниками Омского пединститута. Ученики как-то сразу прониклись к нам симпатией, полюбили их за знания, талант, молодость и сохранили добрую память о них на долгие годы.

Это – Кошкаров Павел Григорьевич (физик), в 9-м классе у нас был классным руководителем, позднее стал директором школы, его жена – Рубина Маргарита Андреевна (математик), Коршунова Зоя Ивановна (историк), Дворкин М.И. (химик), его жена Дрожжачих Надежда (биолог).

Носков А.С., Курашев В.А., Иванова (Курашева) А.Т. буквально заряжали нас спортом. Организовывали различные спортивные секции, проводили соревнования. Спорт был в почёте.

В лыжных эстафетах участвовали и команды молодёжи различных организаций.

В стенах школы рождались, благодаря труду учителей, гении, врачи, учителя, инженеры, геологи, металлурги, химики, строители, мечтатели, поэты…

После окончания десятого класса многие попробовали свои силы при поступлении в вузы. И все поступили и успешно их закончили, став прекрасными специалистами. Учились на одну стипендию, на которую надо было умудриться прожить и прокормить себя и ещё купить вещи для повседневного пользования.

Трудными были военные и послевоенные годы, на которые пришлось наше детство, юность и учёба в школе, вузах, в жизни.

Но мы входили в жизнь открыто и влюблённо!!!

Выросли порядочными, трудолюбивыми, честными людьми и в таком же духе вырастили своих детей.

В памяти нашей добрыми воспоминаниями остались школа, учителя, которые давали нам знания, путевку в жизнь, хотя годы стёрли в памяти фамилии, имена некоторых, но помнятся их лица. Все они заслуживают светлой памяти и благодарности.

…Бегут года, но слово тёплое – учитель
Всегда заставит вспомнить что-то
Разное, близкое тебе…
Учитель вечен на Земле.

Досталось мне в студенческие годы. Жила и училась на стипендию. Первые два года жили с девочками на частной квартире. В старом общежитии мест не было, профком нам, только поступившим в институт, давал адреса, по ним мы сами искали жильё. Новое общежитие строилось на улице Куйбышева, рядом с химико-технологическим техникумом.

Города Омска мы не знали, как птенцы, держались стаей, поэтому искали, чтобы быть вместе. Четыре девчонки учились в Таре в одном классе, боялись оторваться друг от друга. Через несколько дней начинался учебный год, а мы ещё без жилья. Измученные поисками, мы по адресу, который получили в профкоме, попали на улицу Ремесленная, 4. Домик был небольшой,

комнатка и кухня. Хозяйка жила с дочерью, которая работала охранником на каком-то заводе, и внуком, который ещё в школу не ходил. Нам предложили жить на кухне. Уставшие от поисков бесплодных, мы, конечно, согласились. Двора как такового не было, маленький участок в виде огорода, за нашим домом был ещё один дом и спуск к реке Омь, по берегу которой, как птичьи гнёзда, прилепившиеся домики, непонятно из чего сооруженные. Усадьба нашего дома отделялась каким-то массивным забором из толстых досок и кирпичных столбов. Я спросила бабку, это что, завод какой-нибудь? Она говорила, что нет, это еврейское кладбище. Я чуть не упала под стол. Но куда было деваться, остались жить. Спали ярусом – старая маленькая железная кровать, пружины были связаны проволокой и верёвочками. Вдвоём спали на этой кровати, едва умещаясь. Рядом я вытаскивала из-под кровати свой деревянный чемодан, на него матрас, который нам выдали в институте, и подушка (неизвестно какого времени пользования) и рядом на пол стелили матрас, ещё одна. Рядом входная дверь зимой покрывалась изморозью и куржаком. Наше меню было такое: кусок хлеба, намазанный маргарином и посыпанный сахаром, кружка некипяченой иртышской воды. Из-за экономии энергии кипятить чайник не разрешалось. В институте столовой или буфета не было, да и денег, чтоб там питаться, не было, все мы были из небогатых семей, не избалованы. Да и в Таре, наверное, тогда богатых не было, или мы их не знали. Но мы не роптали. Нам казалось, всё хорошо. Ходили в институт пешком, редко на трамвае. Но стройка нового общежития затягивалась, и мы попали в него уже весной, когда учились на втором курсе. Там, хоть ненадолго, мы почувствовали счастье и немного уже привыкли к городу, который, конечно, был не такой, как сейчас.

Думать о нарядах, увеселениях и прочем не приходилось. Хотя магазины тогда уже не были пусты, как несколько лет назад. Лекции не прогуливали. Не скучали, дома после занятий находили, чем заняться: читали книги, вышивали, вязали.

После окончания института все мы разлетелись кто куда. Было 10 точек на восток, 10 точек на Алтай и в Тарский район. Я вернулась домой. Отец и мать были уже в возрасте. Работать я начала в школе рабочей молодежи, где проработала девять лет, а потом в школе №4 до пенсии.

Остальная моя жизнь прошла в родном городе и родительском доме.

И сейчас я осталась одна из большой дружной семьи, храня светлую память о прошлом.